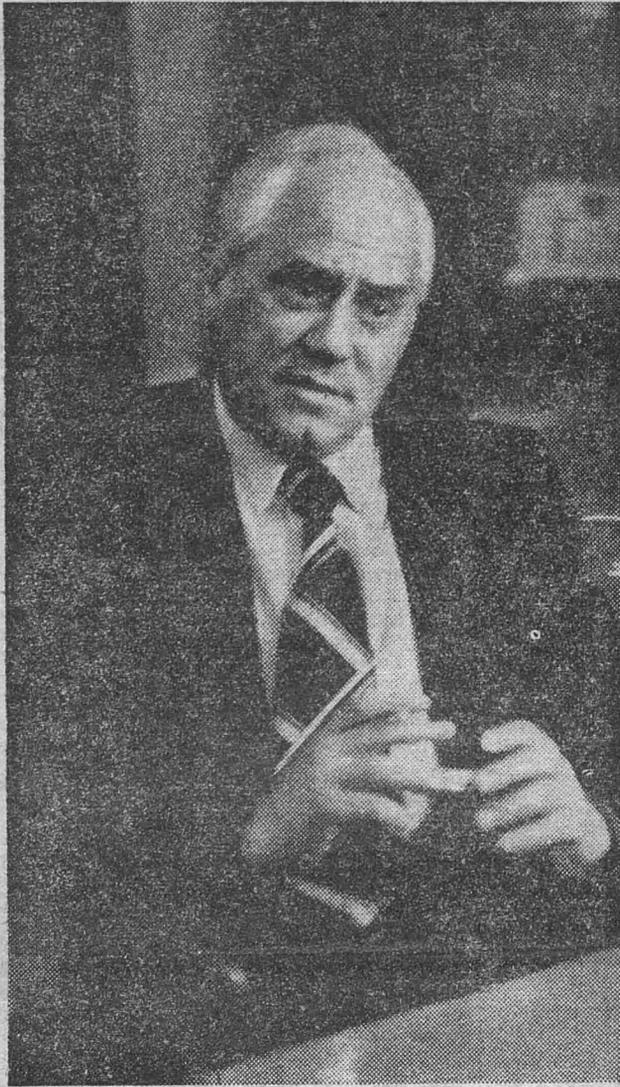

Знаменитые Земляки

Почти 30 лет назад, в 1948 году, имя студента философского факультета Ленинградского государственного университета Игоря Горбачева стало... знаменитым. Он блистательно исполнил роль Хлестакова в гоголевском «Ревизоре», который был поставлен руководителем студенческого самодеятельного коллектива ЛГУ Е. В. Карповой. С этого спектакля, показанного на прославленной Александринской сцене, началась служение искусству народного артиста Союза ССР, лауреата Государственной премии РСФСР, художественного руководителя Академического театра драмы имени А. С. Пушкина И. О. Горбачева.

ПОКА БЬЕТСЯ СЕРДЦЕ

строителей. Единственный, кто пошел другим путем!

— Да, мой дед был строителем. И отец, и старший брат тоже. Отец долго не одобрял моих увлечений театром, считал, что человек должен иметь серьезную профессию. И даже сейчас с юмором, конечно, но и с известной долей сожаления, он говорит: «Вот старший — тот выбился в люди».

А у сына, хотя ему всего девять лет, сомнений нет — он считает себя будущим актером. Каждое посещение театра для него — праздник.

— Значит, не исключена и актерская династия Горбачевых?

— Вполне возможно. Но я хочу, чтобы мой сын узнал прекрасный мир других профессий, а выбор он делает сам.

— А что вас в свое время привело не в медицин-

ский институт, а на философский факультет Университета?

— Как вам это объяснить? В осажденном Ленинграде я видел величие человеческого духа и беспримерное мужество. Видел, как умирали люди. В нас, мальчишках военного времени, кипело обостренное чувство гражданственности и при этом жгло сознание невыполненного долга. Мы рано стали взрослыми, но были слишком малы, чтобы держать в руках оружие. Во мне жила люта я ненависть к врагу. С физиком был противником не просто физическим — идейным, духовным — это я сознавал. Хотелось знать: в чем истинный варварства, бесчеловечной злобы. И нашей городской силы...

— Понимаю. Но вы не закончили Университет — после постановки «Ревизора» стали профессиональным актером. Не считаете ли годы учебы на фило-

софском факультете потерянными и что вы взяли из философии в свой актерский арсенал?

— Это были чудесные, незабываемые годы. Университет с его духом пылкости, глубиной постановки проблем обогатил меня чрезвычайно. Если есть во мне то, что мы называем словом кругозор, — то отсюда, из студенческих аудиторий ЛГУ. У меня были прекрасные учителя. Никогда не забуду первую лекцию профессора Серебрякова. Он говорил: «Сомневайтесь! Сомневайтесь во всем. Опровергайте авторитеты. Изучайте не только единомышленников — чтобы штурмовать бастионы противника, его надо знать. И тогда вы придете к единственно возможному, единственно научному, единственно справедливому мировоззрению — марксистско-ленинскому пониманию жизни». По-моему, я ответил на ваш вопрос, потерянные ли это годы. И что они значат в моей актерской, в моей гражданской судьбе.

— Да, чтобы нести людям нравственные ценности, их надо выстрадать. А давно вы оцугили в себе режиссера, испитали потребность отдавать накопленное? Премьера нынешнего, юбилейного сезона, кажется, ваша четвертая постановка в Пушкинском театре?

— Режиссер жил во мне всегда, еще в студенческом театре. Там я выступал и в роли постановщика.

— Режиссура не мешает актерской работе?

— Просто буду меньше играть плохих ролей.

— Они вообще несовместимы с нашим благоговейным представлением об Александринской сцене, о Пушкинском театре. И тем не менее приходится признавать, что довольно длительное время он был театром без аншлагов. Теперь спектакли идут в переполненном зале. И не только такие, где заняты актеры выдающиеся, составляющие славу и гордость старшего театра страны. Но главные завоевания, по-видимому, еще впереди. Предстоит много работы. Основные ее направления? Ваше кредо художественного руководителя?

— Коллектив единомышленников, страстно преданных искусству театра. А это значит — создание школы, создание зоны комфорта и творческой атмосферы для нашей чрезвычайно талантливой труппы, в которой есть люди четырех поколений. Долгое время таковой школы, в сущности, не было — спектакли держались на плечах стариков. В какой-то мере это, возможно, и объяснимо. Мы — взрослый театр и ставим проблемы кардинальные для общества, для страны, а их, я убежден, решают в основном люди среднего и старшего поколения. Именно на таких сленталях, волнующих, глубоко актуальных по своей нравственной и социальной направленности, мы будем строить репертуар.

Дать работу молодежи, вырастить и воспитать актерскую смену в собственном театре — эту проблему призвана решать вторая сцена. Мы уже вплотную подошли к ее созданию.

Там будут ставиться наши, пушкинские, но при этом молодежные спектакли, там будет проходить проба и актерских сил, и молодой режиссуры.

— Существуют такие понятия, как театр актерский и театр режиссерский. Их часто противопоставляют, оправдывая отсутствие интересной и новаторской режиссуры строгим академизмом, вековыми традициями и наличием ярких актерских индивидуальностей. Как вы к этому относитесь?

— Надуманное противопоставление. Театр может существовать только в единстве актерских и режиссерских сил. А традиции и новаторство? И то и другое, конечно! Не случайно именно на нашей сцене с таким успехом шел мейерхольдовский «Маскарад». Можно вспомнить и «Оптимистическую трагедию», поставленную Товстоноговым.

В прошлом сезоне молодой режиссер А. О. Сагальчик создал спектакль, который я считаю принципиальным, этапным для нашего театра — «Дети солнца» М. Горького. Да, классика, но зрители воспринимают эту пьесу как современную. В этом спектакле — он создан людьми молодого и среднего поколения — есть уважение к традициям, есть преемственность и есть новаторство. В нем — ритмы сегодняшнего дня, мера нашего времени, поэтому он глубоко волнует зрительный зал.

— Что дает театру давняя творческая дружба в коллективе «Электросилы»? Энергомашиностроителей она обогатила многим — наша газета уже писала об этом. А обратная связь?

— «Электросила» для нашего театра — лакмусовая бумажка, пробный камень. Мы очень доверяем электросиловцам в творческом плане: их оценкам, реакции, восприятию. Кроме того, там много интересных людей, ярких характеров. Есть с кого делать жизнь на сцене.

— Однако спектаклей о рабочем классе, на так называемую производственную тему в театре почти нет. А они больше всего волнуют сегодняшнего зрителя — вы это знаете на примере «Деловой женщины».

— Ищем... Ищем. Найдем обязательно. Это наш долг перед рабочей аудиторией, перед современным зрителем. Это, наконец, потребность театра. Рассчитываем получить такую пьесу от Александра Гельмана.

— Традиционный вопрос: что вы любите больше — театр или кино? Где чувствуете себя увереннее — в свете лампы или юпитера?

— Ответ один: театр. Только театр. Я никогда не смотрю себя в кино — там уже ничего нельзя исправить. В театре другое: высокое счастье взаимопонимания, общения со зрительным залом, каждый раз новая жизнь на сцене — в один поток нельзя войти дважды. Не знаю, какой я актер — об этом судить зрителям, — но знаю точно, что никакого другого дела я не мог бы делать с большей любовью, страстью и самоотдачей, чем служение театру. И ему я буду служить всегда — пока бьется сердце.

Беседу вел А. ОСИПОВА
Фото А. Дроздова

НАША встреча состоялась накануне премьеры, и Игорь Олегович не скрывал своего волнения. В спектакле «Пока бьется сердце» по пьесе Д. Храбровицкого ему предстояло играть главную роль — хирурга Крымова.

— Что вы можете сказать о своем герое и в чем, по-вашему, главный нерв спектакля?

— Это рассказ о врачах, о новейших достижениях медицины, но при этом приглашение к разговору о серьезных нравственных проблемах. Мы научились лечить болезни сердца, спасать людей от инфаркта, вырывать их у смерти. Но научились ли мы так же хорошо и заботливо беречь человека в повседневной жизни, не доводить его до инфаркта, испытывать ответственность за чужую судьбу? Даже лучшие из нас... Тот же Крымов хотя бы. Как часто мы совершаем нравственные просчеты, обращая внимание на следствия и забывая о причине страданий, в которых виноваты сами, а спохватываемся слишком поздно. Как мой герой. И я выношу ему вердикт — виновен. Надеюсь, вместе со зрителями...

Так что спектакль этот — о человечности, о чужности, об ответственности каждого из нас за судьбы других людей. Именно этот спектакль мы посвятили 60-летию Советской власти, высший смысл которой — человечность.

— Вам ведь не впервые приходится играть хирургов. Должно быть, и роль Крымова вам особенно близка и своими нравственными исканиями, и чисто профессиональными особенностями.

— Да, пожалуй, что так. Тем более что в детстве я мечтал стать хирургом. Эта страсть прекрасно уживалась с любовью к театру, к игре — репетировал разные роли с семи лет. И сейчас люблю будни в искусстве, долгую и захватывающую работу над ролью. Люблю тишину безлюдного зала, где готовится великое таинство встречи со зрителем, которому театр должен подарить чудо. Но мы говорили о хирургии — хотя врачом я не стал, во мне не угас трепет перед людьми этой благороднейшей профессии, глубокий интерес к ней. Я 13 раз присутствовал на операциях сердца. Нет, не из праздного любопытства — актер должен досконально знать дело и душу человека, образ которого ему предстоит воплотить на сцене. Видел разверстое сердце, казалось, умолкнувшее навсегда, вместе с профессором Угловым и его ассистентами испытывал огромное счастье, когда оно снова начинало биться. А однажды я присутствовал при рождении человека. Этого требовала предстоящая роль.

— Вам было не по себе, конечно?

— Нет, не было. Через пять минут я уже не чувствовал себя здесь лишним. Как умел, успокаивал женщину, старался быть полезным врачам и акушеркам.

Родился мальчик. Утром его мать спросила: «А где этот добрый доктор, что не отходил от меня накануне?» Ей сказали правду. Она назвала сына моим именем.

— А ваш собственный сын — кем он хочет стать? Вы ведь из династии